

Хронология ВОДЫ

18+

Лидия
Юкнавич

No Kidding Press

Лидия Юкнавич
Хронология воды

«ВЕБКНИГА»

2010

Юкнавич Л.

Хронология воды / Л. Юкнавич — «ВЕБКНИГА», 2010

ISBN 978-5-6047288-7-1

Мемуары Лидии Юкнавич «Хронология воды» громко прозвучали на американской книжной сцене в 2011 году и принесли писательнице известность и признание. Отпуская воспоминания разных лет в свободный дрейф, Юкнавич, едва не ставшая профессиональной пловчихой, рассказывает историю выживания и преодоления травмы: от детства в дисфункциональной семье, отмеченного насилием со стороны отца, сквозь залитые алкоголем годы турбулентной юности, когда за крушением надежд последовали эксперименты с веществами и отношениями, к становлению в качестве писательницы и матери вопреки утратам. Лидия Юкнавич пишет яростно, на одном дыхании, без прикрас выкладывая перед читательницами свой травматичный опыт, отношения с отцовскими и материнскими фигурами (важную роль в ее жизни сыграли Кен Кизи и Кэти Акер), телесные переживания. Откровенная, горькая, но вселяющая надежду книга о том, как выплыть, как проложить свой путь к устойчивости и свету.

ISBN 978-5-6047288-7-1

© Юкнавич Л., 2010

© ВЕБКНИГА, 2010

Содержание

Благодарности	6
I. Задерживая дыхание	7
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Lidia Yuknavitch

THE CHRONOLOGY OF WATER

Canongate

Экранизация этих мемуаров станет режиссерским дебютом Кристен Стюарт.

Published by arrangement with Canongate Books Ltd, 14 High Street, Edinburgh EH1 1TE
and The Van Lear Agency LLC.

Copyright © 2010 by Lidia Yuknavitch

© Елена Гнедовская, перевод, 2023

© Андрей Ковалев, фотография на обложке

© Издание на русском языке, оформление. No Kidding Press, 2023

* * *

Эта книга написана для – и с помощью – Энди и Майлза Минго

Благодарности

Если вам когда-нибудь в своей жизни довелось облажаться или великая река печали, текущая сквозь нас всех, однажды задела и вас, то эта ваша книга. И спасибо за всю ту общую энергию, которая требуется для того, чтобы писать перед лицом культуры. Я чувствую вас.

Энергия никогда не умирает. Она просто меняет формы. Мои любимые друзья и наставники Кен Кизи и Кэти Акер стали космической пылью: и ДНК, и словами.

Спасибо Ронде Хьюз, выдающейся редакторке, и всем людям в «Готорн Букс» за то, что поверили в мои писательские способности. Вы смелые пловцы.

Спасибо Лансу и Энди Олсен, моим суперталантливым героям. И Райану Смиуту, и Вирджинии Патерсон – через расстояние.

Диана Абу-Джабер, спасибо, что двадцать лет назад ты сказала об одной из моих историй: «Думаю, из этого могла бы получиться книга». Мне понадобилось по-настоящему много времени, чтобы в этом убедиться.

Спасибо тебе, не-такой-уж-веселый-шутник Беннетт Хаффман: покойся с миром, Беннетт, ты был лучшим из нас – безумная, прекрасная звездная пыль.

Огромный водопад благодарностей Майклу Коннорсу – в общем-то, за всё, и Дину Харту – за то, что сделал это возможным. Спасибо за милосердную любовь ко всем моим сущностям, которых я приводила к тебе на порог.

Спасибо лучшей в истории вечности писательской группе: Челси Кейн, Монике Дрейк, Шерил Стрэйд, Мэри Вайсонг, Диане Джордан, Эрин Леонард, Сьюзи Вителло и Чаку Палану. И Джиму Фросту.

Отдельное спасибо Челси за предисловие к американскому изданию и Чаку за приглашение [в группу]. И еще спасибо Челси и Чаку за то, что читали черновики этой книги и помогли мне не терять рассудок – ну, по крайней мере, иногда.

Я бы так и не собралась написать эту книгу, если бы не сестра, за которой я следую. Всё ради тебя. Бриджит, в прошлом Клаудия, как мне отблагодарить тебя за спасательный круг твоей терпеливой любви? Ты прекрасно обо мне заботилась. Сестра. Подруга. Еще одна мама. Поэтесса самого нежного грома¹.

И несмотря на то, что эти слова вдруг выглядят удивительно хилыми, мое бьющееся сердце принадлежит Энди и Майлзу, благодаря вам я могу быть.

Писать. Эту любовь. Жизнь. Я не знала.

Всю правду скажи – но скажи ее – вкось.

Эмили Дикинсон²

Счастье? Счастье создает дерьмовые истории.

Кен Кизи

Здесь лежит некто, чье имя написано на воде.

Джон Китс

¹ Аллюзия на стихотворение «1581» Эмили Дикинсон, одной из любимых поэтесс сестры Лидии Юкнавич. Оно начинается со строки: «The farthest thunder that I heard...» (досл. «Самый долгий гром, что я слышала...»). – *Здесь и далее, если не указано иное, приводятся примечания переводчицы.*

² Перевод В. Марковой.

I. Задерживая дыхание

ХРОНОЛОГИЯ ВОДЫ

В день, когда моя дочь родилась мертвой, после того как я подержала в своих трясущихся руках розовое, с губами-розами безжизненно-нежное будущее, покрывая ее лицо слезами и поцелуями, после того как мою мертвую девочку передали моей сестре, которая поцеловала ее, потом моему первому мужу, который поцеловал ее, потом моей маме, которая не решилась ее взять, а потом вынесли через больничную дверь, крошечную безжизненную спеленутую вещь, медсестра дала мне успокоительное и мыло с губкой. Она проводила меня в специальный душ. В душевой был стул и мягкий теплый поток воды. Она сказала: «Приятная, правда?» Вода. Она сказала: «У тебя всё еще немного идет кровь. Пусть вытечет». Я разорвана от вагины до ануса и зашита. Падающая на тело вода.

Я села на стул и задержала короткую пластиковую штору. Было слышно, как она напевает себе под нос. Я истекала кровью, плакала, писала, меня рвало. Я стала водой.

В конце концов ей пришлось вернуться – «спасать утопающих». Шутка. Она заставила меня улыбнуться.

Небольшие трагедии никак не укладываются в голове. Они набухают, всплывают и ныряют там и тут между огромными сливными ямами мозга. Трудно понять, что думать о жизни, когда обнаруживаешь себя увязшей по колено. Ты хочешь выбраться, хочешь объяснить себе, что, должно быть, произошла какая-то ошибка. В конце концов, ты пловчиха. Но ты видишь волны без всякого характера, что гребут всех без разбору и расшвыривают кругом – и столько голов торчат над поверхностью, и остается только смеяться сквозь рыдания над этими несчастными головами-поплавками. Смех может вытряхнуть тебя из горестного исступления.

Когда выяснилось, что жизнь внутри меня замерла, лучше было все-таки родить естественным путем – так мне сказали. Сохранить мое тело на будущее настолько крепким и здоровым, насколько возможно. Мою матку. Мое чрево. Мой вагинальный канал. Я впала в ступор от горя, поэтому сделала так, как они велели.

Роды длились тридцать восемь часов. Когда младенец в тебе не шевелится, нормальный процесс глхнет. Ребенка внутри ничто не двигало. Ни часы и часы окситоциновой капельницы. Ни мой первый муж, который уснул, дежуря рядом со мной. Ни моя сестра, которая пришла и буквально за волосы выдернула его из спячки. В самый тяжкий момент я сидела на краю кровати, а сестра держала меня за плечи и, когда подступила боль, притянула меня к себе и сказала: «Да, дыши». Я почувствовала силу, какой никогда в ней больше не видела. Волну материнской силы от собственной сестры.

Боль – та, что подолгу изматывает тело. Двадцать пять лет плавания – и их недостаточно, чтобы ее вынести.

Когда наконец она родилась, маленькая мертвая рыбка, ее положили мне на грудь, как кладут живого ребенка.

Я целовала ее, держала и говорила с ней как с живой.

Ресницы – такие длинные.

Щеки – всё еще розовые. Непонятно почему. Я думала, они будут синими.

Губы – розовый бутон.

Когда ее унесли, последней моей четкой мыслью перед пустотой, которая потом тянулась месяцами, было: значит, вот она, смерть. Раз так, я выбираю мертвую жизнь.

Когда меня привезли из госпиталя, я попала в странное место. Слышала и видела всех вокруг, но стоило кому-то меня коснуться – отшатывалась. И не разговаривала. Целыми днями лежала в кровати, и мой плач переходил в стоны. Думаю, глаза как-то меня выдавали, потому что, глядя на меня, люди повторяли: «Лидия? Лидия?»

Однажды, когда за мной в очередной раз присматривали, – думаю, меня кормили, – я увидела через кухонное окно женщину, воровавшую почту из ящиков на нашей улице. Она кралась, словно какое-то лесное существо. То, как она озиралась, рыская взглядом туда-сюда, как двигалась от ящика к ящику и вытягивала из каждого именно то, а не другое, меня рассмешило. Когда она прикарманила что-то из моего ящика, я расхохоталась так, что непрожеванная яичница вылетела изо рта. Никто не понимал, в чем дело. Только озабоченно смотрели на меня и охали, как какие-то мультяшные версии самих себя. И всё же я им ничего не объяснила.

Я чувствовала себя не сумасшедшей – отсутствующей. Когда я достала всю подаренную мне младенческую одежду и выложила ее рядами на темно-синем ковре попеременно с камнями, это показалось мне совершенно нормальным. Но остальные снова заволновались. Моя сестра. Мой муж Филипп. Мои родители, приехавшие на неделю. Эти незнакомцы.

Когда я спокойно присела в магазине и пописала на пол, мне казалось, я сделала что-то совершенно естественное для тела. Реакция кассирш мне не слишком запомнилась. Помню только их синие вельветовые фартуки с надписью «Альбертсон'с». У одной женщины – прическа-улей, а на губах помада цветом как старая банка кока-колы. Помню, что подумала: должно быть, я угодила в прошлое.

Позже, когда я куда-нибудь ходила с сестрой, с которой жила в Юджине, – то по магазинам, то в бассейн, то в Орегонский университет, – люди спрашивали о моей малышке. Я без запинки врала в ответ: «О, да она самая прекрасная девочка! У нее такие длинные ресницы!» Даже два года спустя, когда знакомая остановила меня в библиотеке, спросив о дочери, я сказала: «Она прекрасна, она мой свет. Уже рисует настоящие картины в садике!»

У меня и в мыслях не было прекращать. Я даже не осознавала, что вру. Просто следовала сценарию. Цеплялась за него, чтобы жить.

Я думала начать эту книгу с самого детства, с начала своей жизни. Но в моей памяти всё не так. Воспоминания всплывают на сетчатке. Не по порядку. В жизни вообще не бывает никакого порядка. Между событиями нет причинно-следственных связей, как бы вам того ни хотелось. Это всё серия фрагментов и повторов, формирование паттернов. Язык и вода в этом смысле похожи.

Все события моей жизни переплывают от одного к другому. Без всякой хронологии. Как во сне. Так что, когда я вспоминаю о своих отношениях, или о том, как училась кататься на велосипеде, или о любви к литературе и искусству, или о спиртном на губах – впервые, или о том, как сильно восхищалась сестрой, или о том, как отец впервые тронул меня, – никакой линейности в этом нет. Язык – метафора опыта. Такой же произвольный, как масса случайных образов, которую мы называем памятью, но его можно выложить рядами – нарратив, одолеваящий страх.

После того как я родила мертвого ребенка, слово «мертворожденный» жило во мне месяцами. Для окружающих я выглядела... грустнее, чем они могли вынести. Люди не знают, что делать, столкнувшись с горем вплотную. Горе было со мной повсюду, как дочь. Для нас с ним никто не был достаточно хорош. Случалось, мне говорили что-нибудь тупое вроде: «Уверена, скоро ты еще родишь». Или обращались ко мне, глядя поверх моей головы. Что угодно, лишь бы не коснуться моей печальной оболочки.

Однажды утром сестра услышала, как я рыдаю в душе. Она отдернула шторку, увидела, как я держу свой пустой выпотрошенный живот, зашла внутрь и обняла меня. Прямо в одежде. Думаю, мы простояли так минут двадцать.

Возможно, это самое нежное, что для меня делали в жизни.

Я появилась на свет с помощью кесарева сечения. Поскольку у моей мамы одна нога на пятнадцать сантиметров короче другой, ее бедра перекошены. Seriously перекошены. Доктора сказали ей, что ей не следует заводить детей. Не знаю, восхищаться ее лютой решимостью родить нас сестрой или гадать, какая еще женщина рискнула бы убить своих детей – раздробив им головы своим искривленным тазом, прежде чем они успели явиться на свет. Мама никогда не считала себя «калекой». Она привела мою сестру и меня в мир нашего отца.

После того как свое мнение высказали классические доктора, она пошла к специалисту другого рода. К акушеру-гинекологу, который практиковал альтернативный подход к вопросам здоровья. Доктор Дэвид Чик более всего был известен тем, что по пальцам загипнотизированных пациентов выяснял подсознательные причины эмоциональных или физических заболеваний. Процесс этот назывался «идеомоторным актом». Конкретным пальцам присваивались (доктором или пациентом) варианты «да», «нет» и «не хочу отвечать». Когда доктор задавал вопрос пациенту под гипнозом, соответствующий палец приходил в движение – даже если сознательный ответ был бы другим или человек вовсе его не знал.

К моей маме эта техника применялась во время кесарева сечения. Пока шла операция, доктор Чик задавал вопросы вроде: «Дороти, тебе больно?» И она отвечала пальцами. Тогда он, прикасаясь к определенному месту, спрашивал: «Здесь?» И она отвечала. А он спрашивал: «Дороти, ты можешь расслабить шейку матки на тридцать секунд?» И она отвечала. «Дороти, мне нужно чтобы ты остановила кровотечение... вот здесь». И она отвечала.

Мама была важным объектом исследования.

Доктор Чик истово верил, что все мы запоминаем определенные эмоции, причем еще в утробе. Он утверждал, что научил сотни женщин телепатически общаться с их нерожденными детьми.

Когда мама рассказывала мне историю моего рождения, в ее голосе появлялась особая аура. Как если бы речь шла о чем-то почти магическом. Уверена, так она и думала. Отец тоже говорил об этом с благоговением. Как будто мое рождение было чем-то потусторонним.

В то утро, когда я рожала дочь, солнце еще не взошло. Я проснулась оттого, что перестала чувствовать внутри шевеление. Я прощупала весь живот, но ничего ничего ничего не ощутила, кроме странной стянутости. Пошла в туалет пописать, и меня будто пробил током до шеи. Когда я подтерлась, на бумаге осталась ярко-красная кровь. Я разбудила сестру. У нее в глазах появилась тревога. Я позвонила своему врачу, и она сказала, что, возможно, всё в порядке и что я могу приехать в клинику к открытию. Во мне была недвижимая тяжесть.

Помню, как плакала навзрыд. Помню, как сжималось горло. Я не могла говорить. Мои руки онемели. Такие детские реакции.

Когда наступило утро, даже солнце выглядело неправильным.

В моем теле оборвалась жизнь.

МЕТАФОРА

Я собираюсь рассказать вам о том, что может помочь. Не в привычном смысле; этого нет ни в каких учебниках и методичках. Ничего общего с самопомощью и дыханием, гинекологическими креслами и расширителями – одному богу известно, как эта область с ее терминологией и систематизацией превратилась в полную бессмыслицу: первый-второй-третий триместр, первое шевеление плода, опускание головки в малый таз, роды, ожидание, сердцебиение плода, матка, эмбрион, чрево, схватки, прорезывание головки ребенка, расширение шейки матки, вагинальный канал, дыхание – вот и всё, короткие вдохи, раскрытие десять сантиметров, потуги.

То, о чем я хочу рассказать, – совсем другая история. И правда ее в том, что история о женщине и ее ребенке – это вымысел, который мы создаем сами. А если точнее, женщина с

развивающейся в ее животе жизнью – это метафора для создания истории. Той, с которой мы все живем. Зачатие, вынашивание, процесс создания, выпуск.

Так что позвольте дать вам совет. Рассказать о хитрости, которую сможете использовать внутри этого грандиозного повествования, в этом эпосе своего существования. Которая поможет вам выжить, когда придет время.

Собирайте камни.

Вот и всё. Но только не какие попало камни. Вы же разумная женщина, так что ищите невероятное в обыкновенном. Идите туда, куда обычно не ходите одна – на берега рек. В глухие леса. В те концы побережья океана, где за вами будет некому следить. Бродите по всем водам. Обнаружив кучку камней, рассмотрите ее хорошенько, прежде чем сделать выбор, позвольте вашему взгляду сфокусироваться, используйте свою привычку бесконечно ждать. Дайте вашему воображению изменить привычное. И внезапно серый камень станет пепельным или окутается мечтой. Кольцо вокруг камня – символ удачи. Красный – всё равно что кровь земли. Синие камни заставят вас в них поверить. Узоры и пятнышки на камнях – это кусочки других стран и земель, крапины загадок. Горные породы – движения земли в вольной воде, облеченные в мелкую гладкую вещь, которую можно взять в руку, провести по лицу. Песчаник успокаивающий и прозрачный. Сланец, конечно, основательный. Найдите удовольствие в простых мирах на ладони.

Помогите себе подготовиться к жизни. Знайте: когда нет слов для боли, когда нет слов для радости – есть камни. Заполните в доме все прозрачные стаканы для воды камнями – неважно, что подумает ваш муж или любовник. Складывайте камни в небольшие кучки на стойках, столах, подоконниках. Сортируйте их по цвету, текстуре, размеру, форме. Отберите те, что побольше, разместите на полу гостиной, не заботясь, как отнесутся к этому гости, – выложите замысловатый неодушевленный лабиринт. Кружите меж ними, как водный вихрь. Начните угадывать запахи и звуки разных горных пород. Дайте некоторым имена, но не геологические – выдумайте собственные. Запомните их все, чтобы понимать, если какой-то потеряется или будет не на месте. Купайте их в воде раз в неделю. Каждый день носите в кармане новый камень. Уходите от нормальности, сами того не замечая. Стремитесь к невоздержанности, не беспокоясь об этом. Пусть камней будет больше, чем одежды, чем посуды, чем книг. Лежите на полу рядом с ними, иногда держите во рту те, что поменьше. Чувствуйте себя каменной, окаменевшей или каменистой – а не уставшей, раздраженной или подавленной. Ночью, в одиночестве, голая – положите один зеленый, один красный, один пепельный на разные части своего тела. Не говорите никому.

Теперь.

Спустя несколько месяцев собирательства, когда дом заполнится и разбухнет, когда наступят схватки и расслабление, когда вы увидите *слишком* красную кровь, начнете отсчитывать секунды и минуты и контролировать дыхание, когда отбросите всё, что вам об этом рассказывали, а потом родите утром мертвого ребенка – о чем вас, кажется, не предупредили, – и мысленно совместите слова «рожденный» и «мертвый», – обратитесь к камням. Возьмите их и услышите эхо морей откуда-то издалека – хоть бы и из Украины. Уловите запах водорослей и почувствуйте вкус соли; ощутите, как вас задевают подводные создания. Помните, что части вашего тела рассеяны в водах по всей земле. Знайте, что почва состоит из вас. Рядом выложите на полу все младенческие одежки – подарки вам, сценарии будущего. Сядьте рядом с этими крошечными вещичками и камнями и ни о чем не думайте. Пусть бесконечные паттерны и повторы сопровождают ваше нио чемнедуманье, словно говоря: отпусти ту, другую, более линейную историю, с ее началом, серединой и концом, с ее трансцендентным концом, отпусти – мы как стихи, мы прошли километры жизни, мы прошли через многое и выжили, чтобы сказать тебе: продолжай, продолжай.

Вы увидите: есть основной, подспудный, тон и сюжет жизни под тем, о котором вам рассказали. Переплетение изображений и циклов. Почти трагический, почти невыносимый, но сильный для вашего неодолимого воображения – кому, как не вам, знать, – это ваша способность к метаморфозам, как у органической материи под действием переменчивых стихий. Камни. На них запечатлена хронология воды. Всё на свете сразу – и живое, и мертвое разом – в ваших руках.

О ЗВУКЕ И РЕЧИ

В доме родителей один из углов гостиной назывался «углом плаксы». Пока рыдаешь, нужно было стоять в нем, лицом к стене. Смысл в том, что плачущему должно стать стыдно. Сестра говорила мне, что как только ее отправляли в этот угол, она практически сразу прекращала реветь. Хорошо себе представляю, как она выходила оттуда с невозмутимым лицом монашки. Почти как взрослая.

Когда я появилась, почти через восемь лет после моей сестры, правила дома всё еще действовали. Но, кажется, ни одно из них со мной не срабатывало. К тому моменту, как мне исполнилось четыре, во время плача я вопила. Сильно. И плакала всё время. Плакала, когда надо было идти ложиться спать. И посреди ночи. Плакала, когда на меня смотрели люди, которых я не знала. Плакала, когда они со мной заговаривали. Плакала, когда кто-нибудь хотел меня сфотографировать. Плакала, когда меня отводили в школу. Плакала, когда мне предлагали новую еду. Плакала, когда слышала грустную музыку. Плакала, когда мы украшали рождественскую елку. Плакала, когда люди отворяли дверь в ответ на мои «гадость или сладость» в Хэллоуин. Я плакала каждый раз, когда мне нужно было идти в туалет в общественных местах. Или в ванную в чьем-то доме. Или в школьный тубзик – до тех пор, пока не перешла в седьмой класс.

Я плакала, когда ко мне подлетали пчелы. Плакала, когда случалось надуть в штаны – в садике, в первом, втором, третьем и шестом классах. Когда получала синяк, ссадину или порез. Я плакала, когда меня оставляли спать в темноте. Когда незнакомцы говорили со мной. Когда другие дети делали мне подлости, когда волосы запутывались, когда от мороженого немело лицо, или нижнее белье оказывалось вывернутым наизнанку, или когда мне надо было надевать галоши. Я плакала, когда меня бросили в озеро Вашингтон, чтобы научить плавать. Когда мне делали прививки. У зубного врача. Когда терялась в продуктовых магазинах. Когда ходила в кино с семьей – один из самых знаменитых эпизодов моего плача случился на «Унесенных ветром». Оттого, что маленькая девочка упала с пони и Ретт бросил Скарлетт, я была безутешна. Примерно неделю.

Я плакала, когда отец кричал, хотя иногда я плакала, даже когда он просто входил в комнату.

Каждый раз, когда мама с сестрой пытались привести меня в чувство, их победы были небольшими. Детского размера.

И мой голос – он пропал.

Удар кожаного ремня по голой попе моей сестры – этот звук на годы вышиб голос из моей глотки. Мощный удар по сестре, которая появилась первой. Приняла на себя всё. Удар ремня по ее коже – звук, который заставлял меня кусать губы. Я закрывала глаза, обхватывала колени и раскачивалась в углу своей комнаты. Иногда ритмично билась головой о стену.

Молчание сестры во время порки – оно до сих пор для меня невыносимо. Ей, вероятно, было одиннадцать. Двенадцать. Тринадцать. Пока это не прекратилось. Одна в своей комнате я накрываю голову подушкой. Одна в своей комнате достаю из шкафа парку и зарываюсь в нее. Одна в своей комнате рисую на стенах – зная о грозящем за это наказании – и вжимаю в стену восковой карандаш изо всех сил. Пока он не сломается. Пока я не услышу, что всё кончилось. Не услышу, что сестра идет в ванную. Тогда я прокрадусь к ней и обниму ее колени.

Мама молчаливым привидением делает ванну с пеной. И мы с сестрой сядем туда вместе. Безголосые, будем намыливать друг другу спины и рисовать пальцами на коже. Когда рисуют на спине, надо угадать, что там. Я нарисовала цветок. Нарисовала смеющуюся рожицу. Нарисовала рождественскую елку, из-за которой моя сестра заплакала – закрыв лицо руками. Никто ее не слышал. Только плечи и спина содрогались от плача. Красноватые следы детских пальцев оставались на спине, даже когда мыло смывалось.

Когда сестра уехала из дома, мне было десять.

Я не разговаривала ни с кем, кроме близких родственников, до тринадцати лет. Даже когда меня вызывали в школе. Я поднимала взгляд, горло шириной с соломинку, глаза на мокром месте. Ничего. Ничего. Или так: когда ко мне обращался кто-то из взрослых, я аистенком поджимала ногу, придерживая ее рукой, а другую руку заводила за голову. Балансировала буквой L, пока не теряла равновесие. Вместо слов. Балет маленькой птички. Маленькой девочки, изображавшей букву L–Lidia. Лидия. Что угодно, лишь бы не говорить. Все те годы, когда передо мной была сестра, я молчала. И после того, как она ушла. Насилие похитило голос маленькой девочки.

Иногда я думаю, что мой голос перенесся на бумагу. У меня был дневник, который я прятала под кроватью. Я тогда не знала, что такое дневник. Просто красная тетрадь, где я рисовала и писала о настоящих и выдуманных вещах. По очереди. Это помогало чувствовать себя кем-то еще. Я писала о злом громком голосе отца. Как я ненавидела его. Как мечтала убить этот голос. Я писала о плавании. Как я его любила. Как от девочек меня бросало в жар. Писала о мальчиках и о том, как от них болела голова. О песнях по радио, и о кино, и о моей лучшей подруге Кристи, и как я ревновала к Кэти, и как в то же самое время я хотела лизнуть ее, и как сильно мне нравился мой тренер по плаванию Рон Коч.

Я писала о маме... о ее затылке: с ним я ехала на тренировку, с ним возвращалась. О ее хромоте и ноге. Ее волосах. О том, как она всегда отсутствовала по вечерам, продавая дома и получая награды. Писала письма уехавшей сестре, которые никогда не отправляла.

И о мечте маленькой девочки. О том, что я хотела поехать на Олимпийские игры, как все в моей команде.

В двенадцать лет я написала такое стихотворение в своей красной тетради:

Дома / одна в своей кровати / мои руки болят. Моей сестры нет / моей мамы нет / мой папа придумывает дома / в соседней комнате / он курит. Я жду пяти утра / молюсь, чтобы уйти из дома / молюсь, чтобы плавать.

Голос возвращался. В нем было что-то об отцовском доме. Об одиночестве и о плавании.

ЛУЧШИЙ ДРУГ

Когда мне было пятнадцать, отец сообщил мне, что мы переезжаем из штата Вашингтон в Гейнсвилл, во Флориду, потому что там работает Рэнди Риз. Он тренирует команду штата по плаванию и в своем деле лучший.

Помню, как сидела у себя в комнате и думала: что?! Почему мы должны срывать с места ради какой-то команды Флориды по плаванию? Зачем бросать деревья, и горы, и дожди, и весь зеленый Северо-Запад ради полоски песка и аллигаторов? Во Флориде мы никого не знали. Я ни разу там не бывала. Бассейн – только с ним было связано всё важное для меня: люди, которым я доверяла или которых любила; место, где я чувствовала себя в порядке и не просто дочерью, а кем-то еще. Так зачем же он теперь говорит, что мы переезжаем ради меня? Я об этом не просила. С чего бы?

Я любила своего тренера по плаванию. Он был единственным мужчиной, который относился ко мне по-доброму. Именно он объяснил мне на одном занятии, почему по моим ногам течет кровь и что с этим делать, – я-то уже думала, что умираю от рака. По шесть часов в

день шесть дней в неделю рядом с ним я училась побеждать. Он корректировал мою технику гребка. Подбадривал, когда я уставала. Поднимал меня на руках, когда я побеждала, и обнимал и закутывал в полотенце, когда проигрывала. Так что я спросила: «А как насчет Рона Коча?» Отец ответил: «Никто не знает Рона Коча».

Когда я заговорила с мамой, она обеспокоенно нахмурилась. Сложила руки на коленях, одна поверх другой, и сказала: «Ну, в общем, Белль, папа получил повышение. Это куча денег».

Когда же я спросила, хочет ли она сама переехать во Флориду, мама сказала: «Он считает, что ты достойна лучшего. К тому же, Белль, там солнце».

Действительно, отца повысили до главного архитектора Юго-Восточного побережья. Но об этом он промолчал. А сказал только то, что они приносят жертву ради меня.

В нашем доме всегда пахло сигаретами. Лежа в кровати, я думала о своей лучшей подруге Кристи. Я знала ее с пяти лет. Каждый день мы вместе обедали в раздевалке старшей школы. С ней я сидела на рисовании, мечтая, чтобы все уроки были уроками рисования. С ее семьей я отдыхала, мечтая, чтобы это были мои родные. Я рыдала и жевала наволочку, пока ее не порвала.

Так из одного бассейна я скользнула в воды другого. Казалось бы, вода везде должна быть одинаковой. Но это не так. Во Флориде вода из-под крана на вкус как болотное дерьмо. Вода в душе странно скользкая. Вода с неба теплая и оставляет после себя на земле облака пара, от которого с непривычки задыхаешься. Вода в океане как тепловатая моча, а в бассейнах остается такой даже в декабре. Как в гигантской остывающей ванне. Ураганы идут во Флориду.

Всё это я ненавидела.

Рэнди Риз едва смотрел в мою сторону. В его команде тренировались олимпийцы. Я пыталась за ними угнаться, удержаться на их уровне, и иногда у меня получалось... но неважно, насколько усердно я плавала, какое показывала время, каким был мой вес или место на пьедестале, – всё равно я никогда не чувствовала себя... *его* спортсменкой.

Когда я выдавала хороший результат, он показывал мне мои отрезки на планшете. Цифры. Я, вся мокрая, тупо стояла и ждала объятий. Но не на того напала. Впереди важное соревнование? Он заставит всех пловчих взвеситься. Набрала вес? Тогда он тебя «лизнет». Пенопластовой доской по заднице и бедрам. По одному удару за каждые лишние полкило. Бассейн превратился в место стыда и перестал хоть чем-то отличаться от дома.

Любые спортивные перспективы, любые связанные с водой надежды шли ко дну. Дома давление и ярость отца заполняли всё пространство. В бассейне мужик орал с бортика, лупил нас доской и никогда не улыбался.

Когда я училась в выпускном классе, на чемпионате штата мы показали лучший результат страны в комплексном плавании на двести метров. Я стояла на пьедестале с тремя другими девочками и вглядывалась в трибуны. Отца нигде не было. От матери несло водкой – казалось, этот запах разносится по всему бассейну. Рэнди Риз на меня даже не посмотрел. А затем Джимми Картер бойкотировал Игры и вырвал из наших тел девичьи мечты о славе – и у всего бассейна Рэнди Риза, полного чемпионов. Не осталось ни одного слова, которое бы ко мне относилось. Спортсменка? Нет. Дочь? Тоже нет.

Я ненавидела Рэнди Риза. Ненавидела Джимми Картера. Ненавидела бога. А также мистера Гроза – учителя математики. Больше всех я ненавидела отца: ненависть к нему меняла формы, но никогда не исчезала. Мужчины разрушали мою жизнь. И даже вода как будто от меня отказывалась.

Но я встретила мальчика, не такого, как остальные, – в воде.

В своем бассейне. Впервые за три мучительных года в Хогтауне.

Красивого мальчика. С длинным телом, и длинными ногами, и длинными ресницами, и длинными волосами. Со смуглой загорелой кожей. С темными глазами. И у него тоже был секрет – хотя и не про отца.

Этот мальчик, мой друг, был самым талантливым в старшей школе, прирожденным художником. Как бы по-дурацки это ни звучало, но он был талантливее ЛЮБОГО ученика ЛЮБОЙ старшей школы, талантливее ВСЕХ во Флориде, кто называл себя художником на ближайшие 800 километров вдоль и 250 километров поперек. Он писал. Он делал скульптуры. Он рисовал. Всё, что выходило из-под его рук, было восхитительно. Через неделю после того, как я переехала в эту адскую дыру под названием Гейнсвилл, он позвонил нам домой и пригласил меня сплавиться по реке Ичетукни на автомобильной камере. Что за странные слова вырывались из телефонной трубки! Ичетукни? Я понятия не имела, о чем он говорил, но согласилась.

Вода в Ичетукни ледяная. Сама река не широкая, но глубокая, и течение там ощутимое. На берегах можно увидеть белохвостых оленей, енотов, диких индеек, каролинских уток и больших голубых цапель. И... ну да, змей. Но в этом есть своя красота.

Прозрачно-голубая, кристальная Ичетукни течет девять с половиной километров сквозь тенистые леса и болота и впадает в реку Санта-Фе. Мы с моим новым другом-художником сплавились три часа. Он расспрашивал меня о моей жизни. А я – о его. Мы смеялись. Нежились на солнце, точно рептилии. Мы плавали как спортсмены, которые избавились от тренировок. К концу мне уже казалось, что мы знакомы много лет.

Наверное, мы и правда проводили вместе каждый день, кроме воскресений, почти три года. Чаще всего виделись в школе: я шла на уроки английского и французского, он – в художественную лабораторию, а в обед мы уходили. Или весь день оба сидели в студии. Или между тренировками бежали к нему домой, ели сэндвичи и слушали Пэт Бенатар. Или дремали вместе. Его кожа, почти без волос, была мягкой, как бархат.

Не знаю, как объяснить, насколько сильно я его любила. Но что делать с этой любовью, я не понимала. Я флиртовала с ним изо всех сил, но, похоже, совсем не интересовала его сексуально. Другие парни Хогтауна явно стремились залезть мне в трусы даже в «Северн Элевен», но только не он. Никогда. Так что я занималась сексом с хогтаунскими парнями. И с девушками из бассейна. Но между мной и художником ничего не было.

И тем не менее он сшил мне самое великолепное выпускное платье из бордового шелка с низким вырезом на спине и тонкими перекрещенными бретелями спереди и у задницы – НИ У КОГО в школе не было платья лучше. Возможно, вообще ни у кого и никогда. Ни в одном штате.

Из мужского пиджака он соорудил для меня классный укороченный блейзер с широкими плечами, как в пятидесятых, на который пускали слюни все в школе.

Он сделал мне такую стрижку боб, что все оборачивались.

Он сам меня красил (если я и ходила с макияжем, то исключительно тогда) и фотографировал меня, как для модного журнала.

Так что я влюблялась в него всё сильнее и сильнее, но любовь эту некуда было деть. Она просто распирала меня – должно быть, так у мужчин копится сперма, не находя выхода. Иногда казалось, что я вот-вот упаду перед ним в обморок, но он брал и пек что-нибудь вкусное. Господи, да он мог испечь чизкейк! Всё, чего мне хотелось, – быть рядом с ним. Всё время. Его кожа пахла маслом какао.

Дни, и дни, и дни, и дни, и дни. Возможно, самое счастливое время в моей жизни. Изнанка дикой ненависти к Флориде.

А потом моя пьяная в стельку мама, растягивая слова, в проходе бакалейного отдела «Пабликс» сказала матери Джимми Хини, что слышала, будто мой художник – гей. То есть моя тупая мать выдала его до того, как он сам совершил каминг-аут. Он гомосексуаааален – с этой ее южной оттяжечкой.

И он перестал.

Перестал звонить мне. Перестал видаться со мной. Просто вычеркнул меня совсем из своей жизни.

Знаете, каково это, когда прекрасный мужчина-гей перестает тебя любить?
Как будто ты умерла.

ЧЕМОДАН

Иногда мне кажется, что я всегда была пловчихой. Всё, что хранится в моей памяти, завихряется водой вокруг событий моей жизни. Или, может, всё, что со мной происходило, я понимаю лучше, если представляю себе это в огромном бассейне, полном хлорированной воды. Даже Флорида не смогла убить во мне пловчиху.

На выпускном во Флориде я победила в армрестлинге пятерых почти-мужчин. Проиграла всего один раз. После танцев мы все напились и перелезли через забор Гейнсвиллского бассейна. Купались нагишом в том самом пятидесятиметровом, для соревнований, где я проводила по два часа каждое утро и по два часа каждый вечер. В то время мое тело было в своей лучшей форме. Я выглядела как чей-нибудь сын. Подбородок. Плечи. Прическа унисекс. Никакой груди. Когда все начали целоваться, я моталась по дорожкам от бортика к бортику.

То лето было длинным и влажным, но для меня – немного иначе, чем для остальных. Воздух сгущался не только от жары. В июне в нашем почтовом ящике стали появляться письма. Приглашения на учебу. Плавание. Выездные визы.

По вечерам я проверяла ящик. У меня перехватывало дыхание перед тем, как я его открывала, и я перерывала всю нашу тупую корреспонденцию в надежде нащупать что-то серьезное. Предвкушая отъезд.

Я получила пять писем.

Первое было классным и тяжеленьким. Из Брауновского университета. Его красно-черный логотип на конверте выглядел для меня по-королевски. Я провела по нему пальцами. Конверт был гладким – бумага, обещающая нечто особенное. Я понюхала его. Закрыла глаза. Прижала к сердцу. Отнесла его в дом, уже почти готовая поверить во что-то новое.

Я положила его на кухонный стол. Оно там пролежало весь ужин. Мы ели в гостиной перед телевизором. Под сериал «Барни Миллер»³. Кровь шумела в ушах.

После ужина, после серии «Такси»⁴, после трех сигарет отец пошел в кухню. И мама. И я.

Мы сели за стол, как, наверное, принято в семьях. Я и мама – еле дыша. Он медленно открыл письмо. Молча его прочел. Я смотрела в его глаза. Такие же голубые, как мои. Мысленно я проплывала дорожку за дорожкой. Мама сидела рядом со мной пьяным шматком, накрыв одну руку другой и похлопывая по ней. Я старалась не откусить себе язык.

Наконец он заговорил. Три четверти стоимости обучения. В университете для снобов. Снобском университете для дочек миллионеров и богатеньких придурков. Мама уставилась в окно, внимательно изучая флоридский вечер. Я пялилась на бумагу с логотипом Брауновского университета. И с моим именем. Я знала, что дело не в деньгах. У нас хватало денег. Дело было в том, что он сказал следом, пока дым его сигареты окутывал меня облаком позора. Думала, ты особенная? Как будто кто-то сдавил мне шею. Я проглотила свой голос.

Второе письмо пришло из Университета Нотр-Дам.

Мы снова сели за стол: отец, мать и дочь. В почти кинематографическом сигаретном дыму. Я молчала, каждой клеткой кожи ощущая жестокие слова. Мама с силой накручивала

³ Barney Miller – ситком телесети ABC середины 1970-х – начала 1980-х гг., действие которого происходит в полицейском участке Нью-Йорка.

⁴ Taxi – комедийный сериал ABC и NBC 1978–1982 гг. о службе пассажирских перевозок. Получил 18 премий «Эмми».

на палец локон – выглядело это так, будто она скоро его оторвет. Почему он говорил «нет»? Потому что мог.

Третье письмо пришло из Корнелльского университета.

Четвертое – из университета Пёрдью.

Нет.

За кухонным столом во Флориде.

Во всех комнатах нашего дома ощущалось давление отца. Кроме одной. Моя спальня была пропитана влагой и тьмой моего тела. В ней пахло мной, хлоркой и травкой. Два окна по центру давно уже служили мне порталом в ночную жизнь девочек-беглянок. Июльской ночью, такой душной от пота, что девочки послабее задохнулись бы, я, лежа в кровати, решила бежать. Я решила, и мне было плевать, как я это сделаю. В ту ночь я так бешено мастурбировала, что расцарапала кожу. Уже проваливаясь в сон, я вспомнила про чемодан. Самый большой из всех, что у нас были. Он хранился в гараже между отцовской сумкой для гольфа и коробками для переезда из прошлой жизни. Черный и огромный, как немецкая овчарка. Достаточно большой, чтобы вместить девичью ярость.

На отборочных соревнованиях штата в том году я сидела в раздевалке рядом с Сиенной Торрес, а та приканчивала бутылку водки. Будь мы с ней парнями, уверена – взяли бы отцовскую тачку и удрали бы в Канаду. Или нарвались бы на первую в жизни драку с каким-нибудь авторитетом и гордились бы потом синяками. Вместо этого мы пили прямо на бетонном полу под презрительными взглядами гладко выбритых покладистых девочек-спортсменок. Даже пьяной я взяла пятое место в финале по брассу. На этих соревнованиях, после того как я пришла второй в стометровке брассом, ко мне подошла незнакомая женщина с растрепанными светлыми волосами и в очках с толстыми, как у флоридской бутылки колы, стеклами. Я показала результат 1:07,9. Тетка была как будто под кайфом. Сказала, что она тренер в Техасском технологическом, что ей не очень-то удобно говорить со мной здесь, – с меня тем временем стекали вода и подростковая ярость, – но она готова предложить мне полную стипендию хоть завтра. Я ничего не ответила. Отдышавшись, посмотрела на пьяную маму на трибуне. Ее, судя по всему, покачивало. Как бы она оттуда не сверзилась. Мама на трибунах с вязнущими во рту словами – вот и всё, что я знала о Техасе.

Тренерша из технологического позвонила, когда отец был на работе. Так что с лохматой теткой в очках с толстыми стеклами разговаривала я. Три голоса: южный и сладкий мамин, что вился за моим плечом, как пчела над медом, голос той женщины и мой. Да – говорили мы. Да.

Было бы замечательно, если бы этим всё и решилось. Материнский голос, выстилающий дорогу из дома для дочери. Блондинка-пловчиха садится в самолет – пока-пока.

Неделю спустя, когда прислали документы на подпись, отец был на работе. Подписывала мама. Я помню, как, обалдев, следила за ее рукой. У нее был красивый почерк. Затем она положила бумаги в конверт, взяла ключи от машины и сказала мне: «Пошли». Со своим алко-гольным южным говорком. В своем универсале. Пока мы ехали на почту и она опускала мою свободу в щель синего металлического почтового ящика, я чувствовала к ней почти любовь.

Остаток июля он бушевал. И август тоже. Каждый вечер, вернувшись с работы, он находил новый способ наполнить дом яростью: пространство сотрясалось от унижения, а две маленькие женщины терпели и терпели. Иногда я думаю, что он мог одну из нас убить. Но я не боялась. Под защитой моей комнаты я чувствовала пульсацию стен.

Тем летом в приступе гнева отец швырнул однажды тарелку в раздвижную стеклянную дверь. Я думала, она разобьется, но ничего не произошло. В один из вечеров он разорвал в клочья мою сумку для плавания и зашвырнул куда-то костюм и очки. В другой раз он преследовал меня до двери моей спальни. Я чувствовала его слова на своих пылающих плечах. В дверном проеме он остановился. Когда я повернулась к нему, отец трясся от злости. И он

сказал: «Вот это – контроль. Я контролирую себя. Но ты даже не представляешь, на что я способен». Мы смотрели друг на друга.

Я подумала: а это – твоя дочь, и она уезжает, ублюдок.

Но в другие дни он превращался в человека, чьи желания принимали уродливые формы. Чем ближе к моему отъезду – тем больше. Однажды вечером в августе, когда дождь барабанил во всю мощь, он усадил меня на диван в гостиной. Обнял за плечи. Его большой палец сверлил мою руку, описывая жуткие круги. Голос у отца был спокойный до невозможности.

И он начал рассказывать мне о том, что парни захотят сделать со мной, как они запустят свои грязные пальцы ко мне под юбку и раздвинут ноги, и станут трахать пальцами. Как они залезут мне под рубашку и будут ласкать мои соски и тискать груди. Сосать их. Какими отвратительными будут парни, их руки, их горячие бедра и дыхание, их желание вдуть и отодрать. И что они будут делать своими членами – я сидела рядом на диване и ощущала его жар, а он не глядя трогал свой член. Я покрылась мурашками, сцепила зубы. И он говорил, как я должна набраться смелости говорить «нет» и как я должна найти в себе эти силы, помня о том, что я его дочь, а он – единственный мужчина в моей жизни.

В голове пронеслось: он сумасшедший. Вот почему надо уезжать немедленно.

О том, чтобы уйти, я думала и раньше. Обычно спонтанно, но еще и в тот год, когда мама пыталась покончить с собой, а сестра отважно вернулась из святилища высшей школы, чтобы узнать, не хочу ли я уехать с ней. Мне было шестнадцать. Ее появление и сам вопрос – этого мне непостижимым образом хватило, чтобы продержаться еще два года.

Я думала о секретах, которые скрывало мое тело. Сколько раз я выбиралась из окна своей спальни, чтобы запрыгнуть в машину. Безудержный огонь между моих ног. Не его огонь. Думала о водке. Почти в ней тонула. К тому моменту, как он посадил меня на диван, чтобы сообщить, что я принадлежу ему, я уже давно не была просто дочерью. Черный чемодан обретал в моих мечтах форму и историю. Я чувствовала, что между нами стояла сила, и этой силой была моя сексуальность. Не его.

Мой с ним дочерний поединок состоялся в гараже за неделю до моего отъезда, рядом с маминим универсалом и его «Камаро Берлинетто». Я пошла туда за большим черным чемоданом. Собиралась принести его к себе в спальню и наполнять, наполнять. Я нашла его, вжикнула молнией. Из разъявленной пасти пахнуло сигаретным дымом. Внутри оказались две рубашки отца, оставшиеся после какой-то его поездки. Я стояла и смотрела на них, пока шею не свело от злости. Затолкала ткань в рот и прикусила изо всех сил – так, что голова затряслась. А затем взяла и выбросила обе рубашки в мусорку.

Затем я обыскала каждое отделение. Конфетки «Сертс». Рваная сигаретная пачка. Расческа. Два презерватива. Я вынула всё это и потрясла чемодан. Наконец-то он был избавлен от отца. Я закрыла пасть на молнию. Встала, уже готовая нести черный чемодан к себе, и тут появился отец. Я услышала его раньше, чем увидела, и когда обернулась, он стоял прямо под одинокой лампочкой, которая свисала с гаражного потолка и жутко подсвечивала его голову. И тут он начал орать: сначала выкрикивал какие-то бессмысленные фразы, но они очень быстро перешли в рев. Как двигатель «Камаро Берлинетта». Он называл меня шлюхой, перечислял мои грехи, ошибки, недостатки, проступки – всё, что со мной происходило и что я пережила до этого момента истины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.